

Zahrádka, Miroslav

**О деятельности русских литературоведов в межвоенной
Чехословакии**

Opera Slavica. 1993, vol. 3, iss. 3, pp. 33-42

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116726>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ
В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ**

Мирослав Заградка

После переворота в октябре 1917 года ушло из России несколько сот выдающихся учёных - в 1920 году добровольно, в 1922 году выслано большевиками. В разных условиях они продолжали свою работу в нескольких центрах, сперва в Париже и Белграде, позднее в 12 других странах. Академические группы сыграли важную роль при завершении высшего образования эмигрировавших студентов (об этом см. мою статью "Труды Русского народного университета в Праге", Вопросы литературы, 1993, 1, с. 337 - 345) и развивали также собственно научную деятельность. В 1921 г. был создан "Союз академических организаций за границей" с правлением в Праге. Союз стал авторитетной организацией, определявшей правила научной жизни, присуждения научных степеней, работы русских высших и средних школ и т. д. Первые съезды Союза состоялись в Праге, причем 3-й из них (Прага 1924) имел уже характер научного заседания с чтением докладов. Результаты научной деятельности публиковались в разных изданиях: в сборниках "Труды Русского народного университета в Праге", в сборнике Русского института в Праге, в разных журналах и сборниках, посвященных юбилеям писателей. Доклады 4-го съезда, состоявшегося в сентябре 1928 г. в Белграде, были полностью или в форме резюме напечатаны в двух томах сборника "Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей" (Белград 1929). Доклады 5-го съезда вышли в Софии в 1932 г. под названием "Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей". Немаловажно было и выступление русских ученых на 1-ом съезде славистов в Праге в 1929 г., доклады которого вышли в Сборнике 1-го съезда славянских филологов (Прага 1932).

Русские ученые из Праги приняли активное участие во всех этих съездах. Напр. на 4-ом съезде русских академических организаций С. В. Завадский и П. А. Остроухов заседали в его президиуме (в нем было еще пять ученых из Парижа, Лондона и Белграда), официальными делегатами пражской академической группы были В. С. Ильин, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков, И. О. Панаас, А. В. Флоровский и Е. Ф. Шмурло, ученые из Праги прочитали ряд докладов на пленарном заседании (Завадский) и в 14 секциях (нас интересует прежде всего секция истории литературы). Из Чехословакии пришло в Белград несколько приветствий съезду: от канцлера президента республики, от Национального Чехословацкого совета, от Чехословацкого красного креста, от Славянского института в Праге, от Карлова университета в Праге, от

Масарыкова университета в Брно, от Университета им. Коменского в Братиславе, от Русского научного института, от Русской учебной коллегии, от Русского юридического факультета, от Русского народного университета, от Русского института сельско-хозяйственной кооперации.

К наиболее активным литературоведам принадлежал печатавшийся в разных изданиях А. Л. Бем. Он представил на съезде предложения к докладу, в котором он продолжал свои исследования творчества Достоевского, а именно об отражении "Пиковой дамы" А. С. Пушкина в "Преступлении и наказании". Основными тезисами доклада были: Достоевский был под влиянием Гоголя и Пушкина, гоголевское влияние он в раннем творчестве преодолевал, причем он пользовался сюжетами и отдельными мотивами произведений Гоголя ("Шинель" - "Бедные люди", "Нос" - "Двойник"), влияние Пушкина было органичное - "Достоевский раскрывает в героях Пушкина заложенные в них трагические возможности"¹ (Германн - Раскольников). Позднее А. Л. Бем под влиянием Т. Г. Масарыка включил в свои рассуждения мысли о преодолении Пушкиным и Достоевским гетевского Фауста.²

В "Трудах 5-го съезда русских академических организаций за границей" Бем продолжал свои исследования по Достоевскому, а именно в двух статьях: "Эволюция образа Ставрогина (К спору об Исповеди Ставрогина)" и "Горе от ума в творчестве Достоевского".³ В первой статье автор детально проследил существенные перемены в замысле образа Ставрогина (от "человека идеи", который надел правду "в идеале России и христианства", через "изячного Ноздрева", скептика и насмешника до покающегося - в "Исповеди" - героя) и его связи с "Идиотом", романом-притчей "Атеизм" и "Житием Великого Гремника". Задумывается над невключением "Исповеди" в роман и значении включения ее Фр. Гецом в драматизацию романа в Праге 1929 г. Во второй статье Бем приводит многочисленные цитаты и мотивы "Горя от ума" в ряде произведений Достоевского, близость некоторых сюжетных линий и символическое значение исполнения роли Чацкого Версильовым на домашней сцене в "Подростке". Чацкий по Бему: "художественный возбудитель" образа Мышкина, с Версильовым они "одного безумия" люди, Чацкий "играет роль идеалиста-мечтателя, утратившего живое ощущение действительности. То, за что Достоевский осуждает Чацкого в публицистике, то становится в его творчестве стимулом художественного преобразования."

К пониманию "Подростка" Бем обратился и в статье "Достоевский в художественной полемике с Толстым".⁴ Он кроме прочего реагирует не только что появившуюся книгу М. М. Бахтина "Проблемы творчества Достоевского" и отождествляется с ней в необходимости раскрыть полемику Достоевского с другими авторами в самой структуре его произведений. В "Подростке" Бем рассматривает прежде всего полемический ответ на трилогию Толстого (в чем он продолжает замечания Мережковского и Л. Гроссмана), и намекает даже на некоторые сходства образа Версильова с чертами биографии Толстого.

Некоторые статьи А. Л. Бема о Достоевском (в том числе и некоторые из нами упомянутых) были вместе с библиографией автора перепечатаны в сборнике "О Достоевском".⁵

Постоянное внимание русских литературоведов к творчеству Достоевского и Л. Н. Толстого (связанное кроме прочего и с юбилеем 1927 г.) отразилось также в статьях Е. А. Ляцкого и Е. В. Спекторского. Ляцкий занимается в статье "Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого" романом "Воскресение". Он детально прослеживает стиль произведения (эпитеты, ставнения, детали быта) в двух плоскостях, а именно стиль "барски-изнеженный", присущий миру "управляющему и судящему", и стиль "крепкий, мужественный, тяжеловатый", принадлежащий миру "управляемому, судимому". Ляцкий также анализирует две темы романа: чисто психологическую (нравственное падение, сознание вины) и социальную. Он выдвигает мысль о субъективности и публицистичности "Воскресения" и отмечает влияние импрессионизма на роман. Его заключительный тезис констатирует двойственность жанра этого произведения и его научное и художественное значение: "Воскресение есть драгоценнейший памятник и художественной и психологической литературы."⁶

В отличие от Ляцкого, Е. В. Спекторский обожрен цифрой три. Его статья называется "Три мотива в творчестве Достоевского"⁷, но название не совсем соответствует содержанию, если слово "мотив" понимать в обычном его значении. Речь идет скорее о типе реализма Достоевского, в котором как бы соединяется стремление Тургенева к эстетизму, "художественной правде" и тяготение Л. Н. Толстого к "нравственной правде" с собственным направлением к правде метафизической. Достоевского, "пророка" и "обличателя", автор характеризует как "небесного вестника на земле", "который с высоты взирает на жизнь". В статье мы находим суждения, с которыми можно было бы полемизировать, и термины неопределенного смысла ("идеалистический" реализм Достоевского обозначается как "настоящий" реализм, герои Толстого сплошь характеризуются как "жертвы эстетического эгоцентризма и самоанализа, подобие Гамлету"). Тенденция к упрощению, к скоропалительному обобщению, проявилась и в заключении статьи: "Тургенев тосковал, Толстой терзался, а Достоевский был примирен."

Более глубоко и продуманно исследование Спекторского "К характеристике Чаадаева".⁸ Это остро полемическая статья, которая хочет показать настоящего, а не выдуманного Чаадаева. Спекторский спорит с Герценом, Пыпиным, Ивановым-Разумником, Алексеем Веселовским, Бердяевым и другими авторами, которые судили о Чаадаеве на основе его взглядов одного периода без того, чтобы учесть противоречивость этих взглядов на разных этапах развития писателя и философа. Прежде всего неправильно судить о Чаадаеве лишь по его "философским письмам". Спекторский обобщает: "Еще не перебродивший гусар Чаадаев царскосельского периода был непохож на Чаадаева конца двадцатых годов, иронического романтика, проявлявшего в католичествовавших салонах своей резкий, охлажденный ум, или на Чаадаева тридцатых и сороковых годов, потрясенного двумя революциями, пересматривавшего и углублявшего свое мировоззрение, или на Чаадаева пятидесятых годов, когда к его огорчению, авангард Европы очутился в Крыму". Автор характеризует каждый этот этап при помощи цитат и взглядов Чаадаева на события (неприятие декабризма, согласие с интервенцией русских войск в Венгрии и т.д.)

и пытается приблизить Чаадаева читателю "литературными" сравнениями: после наполеоновских войн он - прототип Чацкого (эта идея не нова!), а нечто между Чацким и Онегиным, в тридцатые годы - нечто между дэнди и Обломовым. Чаадаев не ценил талант Гоголя и прямо осудил "Ревизора", но и он близок Достоевскому своим убеждением о религиозном призвании России. В этой статье Спекторского весьма убедительно рефлектируется сравнительно богатая литература о Чаадаеве.

На литературу первой половины 19 века обратил внимание и историк А. А. Кизеветтер в своей статье "Карамзин как двигатель русской культуры".⁹ И он попытался показать деятельность Карамзина "во всей ее совокупности" и противоречивости (автор его называет "двудиким Янусом"), в изменчивости его политических воззрений от республиканца до монархиста, в относительности его стиливого прогрессизма и в сомнительности его заслуг в изображении деревенского быта: в сравнении со стихами шиковиста Катенина о деревне кажется "Бедная Лиза" "квинт-эссенцией риторики, искусственной и чопорной". Несмотря на то, что "историю Карамзин писал по схемам 18 столетия", т.е. писал историю царей и князей, а не целого государства, все-таки именно история Карамзина стала читаема и модна благодаря ее "оживотворению" художественным мастерством автора. Статья Кизеветтера очень критична по отношению к Карамзину, но несмотря на это, автор его называет двигателем, хотя на позициях старого, а именно благодаря его проповеди человечности, достоинства личности и теплоты сердца.

Статьи русских ученых нас убеждают, что они вовсе не страдали некритическим, сентиментальным отношением к родной литературе. Их жизнь и деятельность в Европе в них укрепила стремление к пониманию истории русской литературы в широком мировом контексте, которое в русской науке датируется уже со второй половины 19 века, когда развивался сравнительно-исторический метод и культурно-историческая школа. В таком объективно-критическом духе написана и большая статья И. И. Лапшина "Эстетика Пушкина"¹⁰, одна из нескольких литературоведческих статей этого философа и музыколога. Автор в ней собирает образцом и с философской генерализацией систематически объясняет все стороны художественного миропонимания Пушкина, его отношение к предыдущим этапам развития русской и особенно мировой литературы, истоки его искусства, особенности его творческой мастерской и его стиля. Точное распределение материала сосредоточено в следующие главы: Поэт, Художественное творчество, Художественное произведение, Художественное восприятие, Общий смысл искусства. Внимание на себя обращает характеристика русских влияний на Пушкина (Державин, Батюшков, Жуковский) и влияний Запада (классиков Горация и Аристотеля, французов Вольтера и Дидро, англичан Юма, Шекспира, Байрона, далее Данте, Сервантеса, Гете, Шиллера, Лессинга и эстетических взглядов Канта. Лапшин иногда говорит о деталях, напр. об источнике сцены в корчме в драме "Борис Годунов" (опера Россини "Сорока-воровка"), о пародировании Пушкиным в "Графе Нулине" поэмы Шекспира "Лукреция", о миграции образов ставшими нарицательными (Фауст, Дон Жуан и др.). По статье Лернера он даже объясняет отношение Пушкина к экспери-

ментам типа "бобэоби" (у футуристов) у Шарла Нодье: Пушкин не принял такую эстетику, но и не отвергал ее возможности. Лапшин в своей статье использовал, наверно, все существенное, что было о Пушкине написано, и создал обзорный труд немаловажного значения.

Второй сборник Русского института содержит под названием "Пестрая книга о русской литературе" и рецензию Е. А. Ляцкого на книгу профессора диконского университета Жюль Легра¹¹. Он положительно оценивает живой язык книги, главы о Пушкине, Лермонтове, Достоевском, знание критической литературы, но осуждает слишком субъективный отрицательный взгляд на Гоголя, презрение к Толстому, и вообще к русской культуре и народу, эклектицизм и поверхностность многих суждений. Ляцкий заключает, что такие книги не помогают к взаимопониманию французской и русской культур. Рецензия эта, кроме прочего, свидетельствует о том, насколько внимательно русские ученые следили за всем, что было написано о русской литературе в Европе.

В Белграде в 1929 г. был прочитан доклад Н. Кульмана "Русская художественная литература за рубежом и в Советской России", в которой автор сделал редкую тогда попытку обобщить результаты десятилетнего развития русской литературы после революции. Доклад во многом предвосхищает оценки нынешних историков литературы, возвращающихся в условиях свободного научного слова "ад фонтес", кроме прочего, к пониманию русской литературы за рубежом и дома как целого: "Русская литература живет сейчас как бы двойной жизнью, здесь и там. Но точка соприкосновения между ними все-таки есть"¹². Советская и зарубежная литературы являются обмерусскими.¹²

Кульман регистрирует количественный рост советской литературы. После смерти Блока, Брьсова, Гумилева и Есенина и при молчании Ахматовой не видит никаких успехов в поэзии, но в прозе выдвигает ряд талантов: на первом месте Леонова, далее Булгакова, Зоменко, Федина, Пильняка, Бабеля, Катаева, Вс. Иванова, Соболя и Сейфуллину. Он видит в советской прозе две тенденции - стремление к изображению гражданской войны и тягу к зарисовкам быта. Именно в изображении быта и его деталей могут по его мнению писатели относительно свободно выразить свое отношение к миру, хотя в обобщениях появляется фальшь даже у Леонова. Кульман понимает, что в условиях цензуры нельзя ожидать какой-нибудь открытый протест, но "иногда услышите смех, пропитанный горечью, а иногда и безнадежностью: под видом шуток, в форме юмористического рассказа можно всегда сказать то, что в серьезном виде грозило бы карой"¹³. Кульман констатирует, что программу рапповцев не удается выполнять. Не возникло "монументальное произведение, адекватное эпохе" и не удалось разорвать связи между современной и дореволюционной литературой. Чувствуются отголоски Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова, Щедрина, но и Бунина, Ремизова и Шмелева. Лидин откровенно требует возврат к Толстому и Достоевскому (такую же тенденцию у Леонова Кульман пока не замечает). В советской беллетристике, по мнению автора статьи, содержится много калтуры.

Кульман выдвигает активность русской литературы за рубежом, издания журналов и газет, а также ряд ищевров: на первом

месте Бунина с его повестью "Митина любовь" и романом "Жизнь Арсеньева", далее прозаические произведения Шмелева, Ремизова, Зайцева, Куприна, Мережковского и Алданова. Кульман утверждает, что эмигрантская литература "открыла новую страницу в истории русской литературы" (с. 45), и аргументирует: литература не интересуется бытом эмиграции, а, наоборот, стала более русской; в ней как бы выполнилось предсказание Достоевского и открылась способность быть одновременно "и русскими и людьми" (с. 47). Эмигрантская литература продолжает развивать традиции русской классики, добилась международного признания настолько, что "никогда ещё русская литература не имела такого распространения в мире, как сейчас" (с. 49). Вместе с тем обострился и интерес к прежней русской литературе. Комментируя эти тезисы Н. Кульмана, мы должны отметить, что он не замечает участия талантливых советских писателей в таком широком распространении русской литературы в мире. Как раз те писатели, талант которых он признавал, переводились в Германии, Чехословакии и в других странах: это касается Леонова, Федина, Вс. Иванова, Булгакова, Бабеля, Зоценко и т. д. Кульман констатирует, что среди литературной молодежи в Советской России и в эмиграции не появились пока выразительные таланты, но он забывает, что ряд советских писателей, им самым признанных, можно было тогда считать молодым и: Леонов родился в 1899 г., Валентин Катаев в 1897, в конце столетия родились и Вс. Иванов, Зоценко, Сейфуллина и Пильняк. Кульман, однако, прав, что талантливые творцы натапливаются на "требование восхититься пролетарским строительством и писать с 'марксистским подходом'", что и "лишает творчество свободы" (с. 50). Если подумать, что критически оценивать и обобщать современный литературный процесс принадлежит к самым трудным и неблагодарным сторонам работы литературоведа, надо Кульману отдать должное: с его оценками можно в сущности согласиться и сегодня.

На первом съезде славистов в Праге появились также доклады, посвященные взаимоотношениям двух русских классиков. И. Розенкранц¹⁴ детально рассматривает отношения между Тургеневым и Щедриным, цитирует все тогда доступные письма обоих писателей, сопровождая их богатым библиографическим аппаратом и комментарием. Обстоятельная позитивистская статья завершена раздумьем над фактом, что "неуживчивый" Тургенев так хорошо уживался с Салтыковым, между тем как к Толстому, Фету, Гончарову, Некрасову и к ряду других авторов относился с неприязнью.

Зоя Розова¹⁵ обратилась в своей статье к Крылову и связи его басен к басням Сумарокова. Она убедительно доказывает, что именно Сумароков, а не Крылов, является основоположником русской национальной басни, которую Крылов позднее усовершенствовал. Крылов русифицировал многие басни Лафонтэна по образцу Сумарокова, нередко и его словами. Исследовательница приводит 11 басен, в которых Крылов вышел из Сумарокова, в том числе и славный "Обоз", где он переработал басню Сумарокова "Два оленя". Розова считает Сумарокова - баснописца объединяющим звеном между Кантемиром, Ломоносовым, Третьяковским и Крыловым.

На том же съезде славистов выступил известный в Чехии П. Н. Савицкий с оригинальной темой "Местодействие в русской ли-

тературе (Географическая сторона истории литературы)¹⁶. Он интересуется местом действия по отношению к месту жизни автора, географической фантастикой и точностью, "модными" местами действия, "литературной колонизацией" русской территории, местом действия были и древней русской литературы и т. д. К русской классике обратился также С. Г. Вилинский¹⁷ и рассмотрел т. наз. схематизм творчества Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова и других писателей.

Некоторые русские, эмигранты и советские, исследовали на съезде славистов или на других конференциях более широкие проблемы славянских литератур. Н. Державин, тогда ректор Ленинградского университета, занимался этимологией слова Перун в славянских языках.¹⁸ А. В. Флоровский, живший с 1923 до 1968 года в Праге, писал о значении легенды о Чехе, Лехе и Русе¹⁹ для историографии и для самоосознания славянской взаимности в литературе. И. О. Панас, также живший в Праге, известный классический филолог, посвятил одну свою работу славянским травестиям Энеиды Вергилия.²⁰ Он утверждает, что у чехов и поляков таких травестий нет, а у восточных славян они возникли под влиянием немецких и французских, но они получали русский (у Осипова), украинский (у Котляревского) или белорусский колорит. Малоразработанная до тех пор тема "Ю. Зейер и Россия" исследована К. Треймером на съезде славистов в Праге.²¹ Автор отрицает влияние русской литературы на Зейера, утверждая, что писатель был скорее под влиянием русской среды, чем литературы. В статье бегло рассматривается и большая корреспонденция Зейера с друзьями и знакомыми (министр Валуев, ген. Попов, кн. Голицын).

В. А. Францев опубликовал в первом сборнике Русского института (Прага 1929) статью "Из истории славянской литературной взаимности" с подзаголовком "Коллар и русские ученые в Загребе". Речь идет о пребывании О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, П. И. Прейса и В. И. Григоровича в Загребе в 1840-41 гг., когда там был и Коллар. Автор констатирует, что Коллар при жизни почти в России не известен. Зато Шафарика знали русские студенты больше чем чехи (свидетельство Гавличка после того, как выслушал лекцию Бодянского). Русские ученые связаны с учеными Праги, Брно и Оломоуца. Статья Францева - одна из многих его работ из области литературных взаимоотношений славянских народов. К этим проблемам обращается и Б. А. Евреинов в статье "Ю. Ф. Самарин в Праге в 1867-68 гг.", где по материалам пражской полиции исследует связи этого идеолога славянофильства и философа с чешскими общественными деятелями.

Благодаря русским ученым прозвучали на Первом съезде славистов и некоторые методологические доклады. П. Н. Сакулин объясняет принципы своей социологической методологии в своих тезисах "Опыт социолого-синтетического построения истории литературы".²² Он говорил о содержании своих прежних книг и о тогда печатающейся книге "Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей". А. Н. Вознесенский представил доклад "Цели и методы сравнительного изучения славянских литератур".²³ Автор здесь выступает против смешивания историко-литературной и историко-общественной мысли, против понимания художественного произведения исключительно как отра-

жения общественных настроений или документа времени. Он ищет специфические приемы исследования литературы и настаивает на равноправии имманентного и исторического изучения литературных фактов. Нецелесообразным с точки зрения единой логики литературоведения он считает обособление славянских литератур и утверждает необходимость их изучения в сравнительном плане с другими литературами.

Особой проблематикой, связанной с деятельностью русских ученых в Чехословакии, является переключка их научных интересов с тематикой, которой занимались чешские ученые. Между русскими и чехами были близкие отношения, они сотрудничали совместно в журналах, сборниках, на конференциях, в работе Русского народного университета, в Карловом университете и т.д. На первом месте по тематике можно упомянуть обий для русских и чехов интерес к Достоевскому. К нему часто обращался Т. Г. Масарык²⁴, многие научные статьи писали И. Горак, Я. Махал, В. Тилле, А. Новак, Б. Матезиус и др. Также о Толстом писал целый ряд чешских авторов: Т. Г. Масарык, И. Горак (вместе с Е. Ляцким издал сборник "Л. Н. Толстой" в 1929 г.), Я. Махал, Зд. Неedly, Б. Матезиус, Й. Ирасек и др. Пушкин — объект изучения у И. Горака, А. Новака, Б. Матезиуса, Ф. Воллмана и др. Межславянскими литературными отношениями, в частности русско-чешскими взаимосвязями занимались И. Горак, Я. Махал, В. Тилле, Зд. Неedly, А. Новак (напр. тема Гоголь и Врхлицкий), И. Поливка (в области фольклора), Ф. Воллман и др. Взаимодополняющееся изучение русских и чехами этих вопросов можно выгодно наблюдать прежде всего в совместных сборниках и в журналах (напр. ж. Славия). Эта проблематика требовала бы специальной разработки.

Литературоведческая продукция русских ученых в 20–30 годы, как она представлена нами в упомянутых сборниках, вызывает интерес по нескольким причинам:

- она продолжает во многих случаях работу, проведенную в России, после того, как ученые получили благоприятные условия для такой работы за границей,
- она является значительным вкладом в историю русского литературоведения,
- на Первом съезде славистов в Праге обогатили науку совместно и советские, и эмигрировавшие ученые,
- она методологически весьма разнообразная,
- ее разнообразие дано свободой научной мысли в демократических условиях зарубежья,
- советские ученые, будучи под влиянием марксистской идеологии, не выходят тогда в своих трудах, опубликованных в вышеупомянутых сборниках, за рамки научного изучения литературы и не поддаются упрощенным схемам, бытующим в литературной критике,
- русские, работающие в Чехословакии, часто переключаются по темам своих трудов с работами чешских исследователей, или прямо с ними сотрудничают в журналах, в сборниках, в издательствах и на конференциях. Трудно строго отделить чешскую и русскую науку этого времени, точнее было бы говорить о славистике развивающейся на территории Чехословакии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 БЕМ, А. Л.: Отражение Пиковой дамы Пушкина в творчестве Достоевского (глава Преступление и наказание). In: Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей, ч.1, Белград 1929, с.59.
- 2 См. вышеупомянутую статью в ж. Вопросы литературы, 1993, 1, с.337 - 345.
- 3 Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей, ч.1, София 1932.
- 4 Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, II, Praha 1932, s. 10-31.
- 5 O Dostojevském. Edice Slovanské knihovny, Praha 1972, s. 358.
- 6 ЛЯЧКИЙ, Е. А.: Два мира в приемах изобразительности Л.Н. Толстого. In: Сборник Русского института в Праге, 1, Прага 1929, с. 144.
- 7 СПЕКТОРСКИЙ, Е. Б.: Три мотива в творчестве Достоевского. In: Сборник Русского института в Праге, 2, Прага 1932, с. 99-110.
- 8 СПЕКТОРСКИЙ, Е. Б.: К характеристике Чаадаева. In: Сборник Русского института в Праге, 1, Прага 1929, с. 47-68.
- 9 КИЗЕВЕТТЕР, А. А.: Карамзин, как двигатель русской культуры. Там же, с. 145-160.
- 10 ЛАШИН, И. И.: Эстетика Пушкина. In: Сборник Русского института в Праге, 2, Прага 1932, с. 125-190.
- 11 LEGRAS, J: La Littérature en Russie, Paris 1929. Там же, с. 89-98.
- 12 КУЛЬМАН, Н.: Русская художественная литература за рубежом и в Советской России. In: Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей, ч.1, Белград 1929, с. 49-50.
- 13 Там же, с.41. Следующие цитаты из этой статьи приводятся в тексте в скобках.
- 14 РОЗЕНКРАНЦ, И.: Тургенев и Салтыков. In: Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, sv. II, Praha 1932, s. 292-328.
- 15 РОЗОВА, З.: Сумароков и Крылов. Там же, с. 328-343.
- 16 Там же, с. 346-349.
- 17 ВИЛИНСКИЙ, С. Г.: К вопросу о процессе художественного творчества (Из наблюдений над русской литературой нового времени). In: Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей, ч.1, София 1932, с 247-259.
- 18 ДЕРЖАВИН, Н.: Перун в славянском фольклоре. In: Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů, II, Praha 1932, s. 45-49.
- 19 ФЛОРОВСКИЙ, А.: Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений. Там же, с. 52-54.
- 20 ПАНАС, И. О.: Славянские трагедии Энеиды Вергилия (тезисы). In: Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей, ч. 1, София 1932, с. 293-299.
- 21 ТРЕЙМЕР, К.: Ю. Зейер и Россия. In: Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, I, Praha 1932, s. 399-405.

- ²² САКУЛИН, П. Н.: Опыт социолого-синтетического построения истории литературы. Там же, с. 343-346.
- ²³ Там же, с. 405-431.
- ²⁴ Его работы о Достоевском собраны в отдельном сборнике 1932 года.